

УДК 801.73

С.Б. Кураш

МОДЕЛИРОВАНИЕ РЕАЛЬНОСТИ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ: СЕМИОТИЧЕСКИ СЛОЖНЫЕ ЖАНРЫ (К ПРОБЛЕМЕ ТИПОЛОГИЗАЦИИ И ДЕКОДИРОВАНИЯ ТЕКСТОВ)

Известно, что язык художественного произведения – это не только (не столько) инструмент *отражения* реальности, сколько средство её *преобразования*. Высокая степень креативности художественного мышления нередко приводит к возникновению интерпретационных трудностей, порождённых спецификой моделирования реальности в художественном дискурсе [1]. Можно говорить о двух разновидностях таких трудностей: «*видимых*», когда, читая текст, мы «спотыкаемся» на анормативной сочетаемости слов, и «*скрытых*», когда прочитанный текст в действительности содержит информацию не о том (не только о том), что мы поняли из его буквального содержания.

Художественный текст – это сложный знак определённой ситуации, а чаще – совокупности ситуаций, положений, событий. Что скрывается за преобразующим началом моделирования реальности в художественном дискурсе? Попытаемся взглянуть на эту проблему с точки зрения семиотики текста / жанра в связи с языковыми характеристиками художественных произведений и способами их декодирования.

Даже самый неизощрённый читатель по прочтении текста способен ответить на вопрос: следует ли автор принципу жизнеподобия, т.е. может (могло ли) происходить то, о чем написано в данном произведении, «на самом деле»? Так намечается базовая оппозиция двух типов художественных текстов / жанров: воспроизводящих действительность *достоверно* (как бы достоверно), «реалистически», и *недостоверно*, с использованием «неузуальных правил кодирования реальности» [1, с. 587]. Хотя из сказанного выше следует, что уже на этом этапе типологизации есть свой камень преткновения – тексты, *внешне* «правдоподобные», однако открывающие подготовленному читателю (и утаивающие от читателя неподготовленного) иные, не выраженные напрямую смыслы.

Прежде чем говорить о текстах, отмеченных упомянутыми факторами интерпретационных трудностей, стоит пояснить, что в семиотическом смысле скрывается за «достоверностью» («реалистичностью») текста. Следует учитывать, во-первых, условность понятия реалистичности: фрагмент действительности, отражённый в реалистическом тексте, – это часто фрагмент вымышленной действительности. Во-вторых, реалистический текст отражает действительность не по принципу «1:1», а по принципу метонимии, воспроизводя не целое, а часть [2, с. 143], что обусловлено свойством языка передавать «лишь чрезмерно обобщённое и нечёткое описание событий» [3, 602]. Однако – и это для нас главное – воспроизведение действительности в данной разновидности художественного дискурса *не противоречит нашему представлению о ней*.

«Реалистическим» (достоверным) текстам противостоит группа текстов, в которых непосредственное и/или зашифрованное моделирование реальности является целенаправленным приёмом построения текста. Классический и наиболее простой пример – сказка. Простой потому, что это едва ли не единственный тип текстов из рассматриваемой группы, почти не вызывающий затруднений в плане декодирования. Этому нетрудно найти объяснение: со сказками люди знакомятся уже в раннем детстве, а поэтому приобретают довольно устойчивые «жанровые ожидания»; к тому же сильны и языковые, и метаязыковые «сигналы» этого жанра: от характерных зачинов до оформления книг, характера печати и пр. [4, с. 479].

Но какому единому критерию возможна систематизация семиотически «трудных» текстов, как известно, распределённых между весьма разнообразными жанрами (сказками, аллегориями, мифами, баснями, фантастикой и пр.)? Представляется, что «фокусом», к которому стягиваются все нити, могут стать параметры референтной ситуации (РС) текста в соотношении с его языковыми особенностями, поскольку известно, что «разные типы референтных ситуаций имеют наборы более или менее строго соотносимых с ними языковых средств...» [5, 22].

Обратимся вначале к понятию РС, под которой в лингвистике текста понимается фрагмент реальной действительности, отражённый в тексте. Для настоящего исследования значим такой параметр РС, как достоверность / недостоверность. Повторим, что в основе разграничения РС на достоверные и недостоверные лежит не что иное, как наш когнитивно-языковой опыт: достоверной нам представляется та РС, которая *воспринимается как достоверная*, пусть даже мы и осознаём, что факты, описанные в произведении, являются вымышленными [5, с. 17].

«Достоверность / недостоверность» РС текста тесно связана с понятием возможных миров, под которыми, вслед за Дж. Серлем и Д. Вандервекемом, будем понимать такие миры, в которых «объекты действительного мира (действительные объекты) имеют иные свойства, и/или такой мир, в котором есть объекты, отличные от действительных» [6, 244]. Из всего сказанного следует, что тексты, моделирующие возможные миры (сказка, фантастика, миф, легенда и пр.), являющиеся текстами с недостоверной РС. При этом подготовленный читатель в состоянии спроецировать параметры «возможного мира» недостоверного текста на мир реальный и получить таким образом информацию о последнем. Иными словами, подобные тексты подразумевают поиск своего *скрытого означаемого* в действительном мире (по известной пушкинской формуле «сказка – ложь, да в ней намёк...»).

Это тем более актуально в отношении таких жанров, как аллегория и басня, где поиск скрытого означаемого («намёка») есть основная, стратегическая цель декодирования текста. Причём в сказках, баснях и аллегориях-сказках скрытое означаемое (денотат из «действительного мира») заменяется репрезентацией недостоверных РС, а в аллегориях «реалистического» характера – достоверных.

Можно ли «по инерции» утверждать, что достоверность РС – это типологически релевантный признак текстов, воспроизводящих мир действительный? Оказывается, что в отношении всех текстов подобного типа этого утверждать нельзя, в подтверждение чего обратимся к тексту стихотворения Б. Пастернака «Бабочка-буря», относящемуся к особой жанровой разновидности – текстам-тропам (в данном случае – текстам-мегафорам) [7]. Здесь описываемая ситуация выглядит как недостоверная с точки зрения узальной картины мира. «Питается пальбой и пылью / Окуклившийся ураган», «объевший веточки мечтам» и т.п. – выражения, анормативные с точки зрения узальной логики, а потому сообщаемое трудно назвать достоверным. Тем не менее, зная законы метафоризации, нетрудно восстановить фрагменты внеязыковой действительности, отражённые в данном тексте. Его РС включает два денотативных пространства, однако на этот раз мы имеем

дело не с заменой одного из них другим, а с их пересечением. Возникает своеобразный эффект «наложения кадров», каждый из которых фиксирует фрагмент узувального мира. Обобщённое содержание одного из них может быть представлено в виде пропозиции «начинает разыгрываться буря», а другого – в виде пропозиции «происходит процесс рождения бабочки». Как видно, обе пропозиции истинны в привычном для нас действительном мире. Троповость текста представляет собой тот случай, когда, по словам Ю.И.Левина, «о данном тексте трудно сказать, является ли он адекватным описанием, а если нет, то в чём состоит неадекватность» [3, с. 602].

Таким образом, недостоверность РС текстов-метафор имеет не чисто семиотическую основу (как у текстов-сказок, -аллегорий и др.), а стилистико-семиотическую, заключающуюся в металогии (троповости) как базовой характеристике их языковой ткани и – по совместительству – способе моделирования реальности. Противоположное явление – автология, под которой мы понимаем не только полное отсутствие тропов в тексте, но и их наличие в любом качестве, кроме текстообразующего.

Особая разновидность автологической речи в художественном дискурсе – это автология возможного мира. Так, выражение типа *Откуда ни возьмись, конь бежит, земля дрожит, из ноздрей пламя пышет, из ушей дым столбом валит* («Сивка-бурка») мы не примем ни за метафору, ни за бессмысленное высказывание, зная, что оно представляет собой модель ситуации, узувальной с точки зрения возможного мира сказки [4].

К особым типам текстов, усложнённых по параметрам РС, можно также отнести нижеследующие жанровые феномены.

Метафорико-фантастические тексты. В эту группу включаем такие тексты, в которых одно из пересекающихся денотативных пространств принадлежит действительному, а второе – возможному миру. Так, в стихотворении А.Вознесенского «Белки» заглавное понятие выступает в качестве объекта текстообразующей метафоры, поочерёдно сравниваясь с перчатками, которые «жестикуют в лесу», и руками в жёлтых перчатках. Таким образом, совмещаются два денотативных пространства: базовое («белки, бегающие по деревьям в лесу») и привлечённое («руки в перчатках, жестикующие, находящиеся на руле автомобиля»). Однако привлечённое денотативное пространство во второй строфе текста выходит за рамки действительного мира, переносясь в мир возможный: *Кто-то шарит по стволу / и, невидимый, как мимы, / не задевши за смолу, / на мгновение обнимет*. Как видно, данный текст совмещает в себе признаки метафорического и фантастического моделирования реальности. От первого он отличается наличием в РС атрибутов возможного мира (в языковом отношении – наличием элементов автологии возможного мира), а от второго – наличием двух пересекающихся денотативных пространств, кодируемых металогической речью (*белок жёлтые перчатки*).

Тексты-метаболы. Как особое жанровое явление определяет метаболу М.Эпштейн: «Метабола исходит из принципа единомирия, предполагает взаимопроникновение реальностей, а не отсылку от одной, “мнимой” или “служебной”, к другой – “подлинной”. В метареальных образах невозможно выделить прямое и переносное значение, соотносить их по принципу метафорического сходства или символического соответствия – образ значит то, что он значит» [8, 199]. Примером метабола может служить фрагмент текста Н.Заболоцкого, который анализируется в статье А.К.Киклевича (термин «метаболы» этот автор не использует): *Сидит извозчик, как на троне, / Из ваты сделана броня, / И борода, как на иконе, / Лежит, монетами звеня. / А бедный конь руками машет, / То вытянется, как налим, / То снова восемь ног сверкают / В его блестящем животе*. Исследователь весьма точно замечает: «В словосочетаниях “бедный конь руками машет” и “восемь ног”, конечно же, нет никакой метафоры. Референтом данного текста выступает возможный микромир “движение”, альтернативный по отношению к возможному миру “покой»» [9, с. 45]. Как видно, эти микромиры имеют место в мире действительном, в то же время образуя возможный мир, отличный от него.

Наконец, следует сказать и о текстах, в которых создаётся эффект «псевдовозможного» мира, иначе говоря, такого возможного мира, который узувализировался подобно тому, как узувализировались метафоры типа *идёт дождь*. Речь идёт о высказываниях наподобие *Тихо повернулась / Красная корма, / Побежали мимо / Пёстрые дома. / Вот они далёко, / Весело плывут* (А.Блок). Фразы «побежали дома», «дома плывут» здесь не являются ни метафорами, ни элементами фантастической ситуации. Их «возможный мир» – мир смены пространственной точки отсчёта в окружающей реальности («мир» обмана

Семиотически сложные жанры в художественном дискурсе

№ п/п	Типы художественных текстов, усложнённых по параметрам референтной ситуации: основные жанры	Классификационные признаки референтных ситуаций текстов		Отношение к узуальности / окказиональности использования языковых знаков	Стратегия декодирования
		Отношение к достоверности / недостоверности	Количество денотативных пространств В реальном мире (1) + 1 или (1)		
1.	Аллегория, символ, аллегория-сказка, басня	Достоверная; недостоверная	(1) + 1 или (1)	Автология; автология возможного мира	Нахождение скрытого денотата как реакция на «сигналы» жанра
2.	Сказка, фантастика; миф, притча и др.	Недостоверная	(1) или (1)	Автология возможного мира	Принятие узуса возможного мира, его проекция в мир действительный
3.	Метафора	Недостоверная	1 + 1	Металогия	Установление скрытых элементов метафоры и признака уподобления, а также основания и прагматики столкновения двух понятий
4.	Метафорико-фантастический текст	Недостоверная	1	Комбинация метало-гии и автологии возможного мира	Установление метафорически переосмысленных элементов, реконструирование фрагментов возможного мира
5.	Метабола (по М.Эпштейну)	Недостоверная	1	«От металогии – к автологии возможного мира»	Реконструирование параметров возможного мира
6.	Псевдо-возможный мир	Недостоверная	1	Автология	Приведение логико-синтаксических ролей (актантов, сирконстантов) в соответствии с узусом

Примечание: единицей в скобках обозначены денотативные пространства, сосредоточенные в подтексте проведений; единицей без скобок – представленные эксплицитно.

зрения) – полностью достижим из мира узуального. В итоге подобные высказывания воспринимаются нами не как альтернативные узусу, а как такие же узуальные (достоверные), как и любое достоверное высказывание о действительном мире. Поэтому трудно согласиться, например, с И.Я. Чернухиной, квалифицирующей как метафору следующий фрагмент поэтического текста В.Кочеткова: *Был сужен мир до прорези прицела...* [10, с. 35]. Поэтическая «нетривиальность» этого фрагмента, по-видимому, принятая за метафору, ничуть не мешает увидеть в его РС только *один* узуальный денотат: на самом деле возникает ощущение, что всё видимое сквозь прорезь прицела имеет очень маленькие размеры. Таким образом, здесь нет присущей метафоре двуденотативности, нет эффекта «наложения кадров».

Предельным выражением такого рода высказываний можно считать чистые «синтаксические перевёртыши» наподобие *Ехала деревня мимо мужика, вдруг из-под собаки лают ворота*. Они не содержат абсолютно никакого намёка на какой-либо возможный мир, полностью замыкаясь в своих механизмах не на «семиотическом», а на чисто «грамматическом» в языке. Подобные порождения характерны и для разговорно-бытового дискурса в форме обмолвок типа *Смотри, какая касса в очередь!* [11, с. 106].

Предпринятая типологизация, сводящая к общему знаменателю тексты разных жанров поэзии и прозы, имеет методическое значение для практики обучения студентов приёмам декодирования интерпретационно сложных текстов (а среди рассмотренных таких большинство). Это обуславливает целесообразность формулировки для каждого из выделенных типов *стратегий декодирования*, на актуальность усвоения которых, в особенности по отношению к сложным формам дискурса, указывают Т.А. Ван Дейк и В.Кинч [12, с. 164]. Данным стратегиям, представляющим собой «знание о процессах понимания» [12, с. 164] и по своей сути претендующим на роль универсальных пресуппозиций [11, с. 26 – 42], должны быть подчинены частные приёмы работы с подобными текстами на занятиях по соответствующим филологическим дисциплинам.

В целях большей наглядности и систематичности изложенный материал сведён в единую интерпретационно ориентированную типологическую матрицу, представленную в виде таблицы «Семиотически сложные жанры в художественном дискурсе» (см. с. 98).

Литература

1. Левин Ю.И. О типологии непонимания текста // Левин Ю.И. Избранные труды. Поэтика. Семиотика. – М., 1998. – С. 581 – 593.
2. Долинин К.А. Интерпретация текста. – М., 1985. – 288 с.
3. Левин Ю.И. О семиотике искажения истины // Левин Ю.И. Избр. тр. Поэтика. Семиотика. – М., 1998. – С. 595 – 605.
4. Добжинская Т. Метафора в сказке // Теория метафоры. – М., 1990. – С. 476 – 493.
5. Ревуцкий О.И. Анализ художественного текста как коммуникативно обусловленного связного целого. – Мн., 1998. – 68 с.
6. Серль Дж., Вандервекен Д. Основные понятия исчисления речевых актов // Новое в зарубежной лингвистике. – М., 1986. – Вып. XVIII. – С. 242 – 263.
7. Иванюк Б.П. Стихотворение-троп как тип художественного целого: (На материале произведений Ф.И. Тютчева): Дис. ... канд. филол. наук: 10.01.08. – Донецк, 1988. – 186 с.
8. Эпштейн М. Концепты... Метаболы... О новых течениях в поэзии // Октябрь. – 1988. – № 4. – С. 194 – 203.
9. Киклевич А.К. Художественный текст и теория возможных миров // Художественный текст. Онтология и интерпретация. – Саратов, 1992. – С. 39 – 47.
10. Чернухина И.Я. Основы контрастивной поэтики. – Воронеж, 1990. – 198 с.
11. Норман Б.Ю. Синтаксис речевой деятельности. – Мн., 1978. – 152 с.
12. Ван Дейк Т.А., Кинч В. Стратегии понимания связного текста // Новое в зарубежной лингвистике. – М., 1988. – Вып. XXIII. – С. 153 – 211.

Summary

The article is devoted to the problem of creation of significance of interpretations of belles-lettres texts typology. One for the possible classifications, uniting the texts of different genres is represented. It is based on the semiotic approach to the latter ones. The parameters of texts referent situations in accordance with their language peculiarities are typologically relevant ones. The strategies of texts decoding are described.